

После пяти вечера стемнело очень быстро, и за окном вагона всё затянула серая мгла. Казалось, темы для разговоров были исчерпаны. Цзян Шоуянь бросил взгляд на чемодан девушки, который всё ещё стоял в проходе и не был задвинут под полку, и предположил, что она, вероятно, собирается достать из него ещё какие-то вещи.

Над стаканом с водой поднимался пар, который, достигая холодного окна, превращался в белый туман. Девушка опустила голову и сделала глоток воды. Цзян Шоуянь подушечкой пальца скользнул по мизинцу Чэн Цзайе и сказал:

— Что-то я проголодался.

Чэн Цзайе всё понял и потянулся к вещам:

— Будешь лапшу быстрого приготовления? Пойдём за кипятком?

Они только что сели в поезд, и желающих набрать кипятка было много, так что им пришлось немного постоять в очереди. Тамбур между вагонами не отапливался, из щелей в дверях непрерывно сочился холодный белый туман. Чэн Цзайе мёрз — даже втянул голову в плечи: он оставил куртку в купе, снял, потому что там ему было жарко. Цзян Шоуянь с улыбкой посмотрел на него и сказал:

— Если тебе холодно, иди обратно. Я сам наберу воды.

Чэн Цзайе перехватил протянутую к нему руку и прижал её. Будь они в другой обстановке, он бы обязательно помял пальцы Цзян Шоуяня, играясь с ними, но здесь было слишком много людей, и такой жест выглядел бы неуместно. Ему оставалось лишь пристально смотреть на Цзян Шоуяня взглядом, который никак нельзя было назвать невинным.

— (Мне не холодно, мне жарко), — сказал он на португальском. Цзян Шоуянь лишь слегка приподнял уголки губ, проигнорировав его выпад.

Набрав воды, они не вернулись в купе, а уселись на откидные сиденья в коридоре, ожидая, пока заварится лапша. Столиков в проходе не было, поэтому Чэн Цзайе, подражая Цзян Шоуяню, чтобы не держать слишком горячий стакан, воткнул вилку в крышку, чтобы та не открывалась, и поставил его на пол. Раз уж людям нельзя прижаться друг к другу, пусть хотя бы их стаканы с лапшой стоят рядышком. Чэн Цзайе наклонился и подвинул свой стаканчик вплотную к стаканчику Цзян Шоуяня.

— Детский сад, — фыркнул Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе выпрямился и огляделся по сторонам. Впереди никого не было, а позади, через три-четыре места от них, кто-то прислонился к окну, уткнувшись в телефон. Он с обиженным видом повернулся обратно, украдкой сжал пальцы Цзян Шоуяня и прошептал:

— (Хочу поцеловать).

Перед тем как выйти из купе, он снял шапку, и теперь его волосы слегка растрепались и торчали в разные стороны. Цзян Шоуянь поднял руку и пригладил их, а убирая ладонь, равнодушно бросил:

— Нельзя.

Рука Чэн Цзайе, которая как раз тянула пальцы Цзян Шоуяня к своим губам, замерла на

полпути, а уголки его рта жалобно поползли вниз. Цзян Шоуянь кончиками пальцев погладил его по впадинке между большим и указательным пальцем. То ли это была награда, то ли наказание, но от лёгкого движения у Чэн Цзайе перехватило дыхание. Он хотел сжать его руку ещё крепче, но Цзян Шоуянь внезапно её выдернул. Чэн Цзайе в растерянности поднял голову, а Цзян Шоуянь с улыбкой произнёс:

— Лапша сейчас разбухнет в кашу. — Чэн Цзайе был уверен, что тот сделал это специально.

Доев лапшу и выбросив мусор, они вернулись в купе. Девушка уже забралась на верхнюю полку и опустила шторку, заправив её края под матрас. За шторкой стояла тишина, и было непонятно, спит она или нет.

Связь в поезде то появлялась, то пропадала, так что сидеть в телефоне было неинтересно. Цзян Шоуянь лежал на боку в полумраке нижней полки, и они с Чэн Цзайе через проход молча смотрели друг на друга. Под ними были расстелены те самые яркие цветастые одеяла, которые хоть и бросались в глаза, но в то же время создавали ощущение живости и тепла.

Цзян Шоуянь какое-то время смотрел на него, а потом начинал улыбаться, и Чэн Цзайе, видя его улыбку, расплывался в ответной. Всё-таки это не номер в отеле: там они не успевали сказать и пары слов, как начинали целоваться, а здесь, опасаясь чужих взглядов, даже за руки нужно было держаться с оглядкой.

Возможно, из-за того, что под пристальным взглядом Чэн Цзайе он чувствовал необъяснимую безопасность, Цзян Шоуянь пару раз моргнул, и вскоре его глаза начали слипаться. Поезд мерно покачивался. Спать было неудобно, но от тёплого воздуха его разморило так, что тело стало ватным и двигаться совершенно не хотелось.

Когда он снова проснулся, в купе уже погасили. Он повернул голову — Чэн Цзайе на соседней полке не было. Нащупав телефон в изголовье кровати, он взглянул на экран: 01:20. Цзян Шоуянь сел, потряс головой, слегка гудящей от духоты, накинул на плечи куртку, которой укрывался, и отодвинул дверь.

В коридоре тоже было пусто. Цзян Шоюань застегнул пуховик до самого подбородка и, поискав, нашёл Чэн Цзайе у умывальника в тамбуре между вагонами. Тот явно не ожидал его увидеть и удивлённо поднял глаза. На его лице читалась усталость, а белки глаз были пронизаны красными прожилками — видимо, он тоже не смог нормально уснуть.

— Почему ты вышел? — спросил Чэн Цзайе, стряхивая воду с рук.

Цзян Шоюань остановился возле титана с кипятком и ответил:

— Увидел, что тебя нет.

Чэн Цзайе улыбнулся:

— Я выходил покурить.

Чтобы пассажирам было комфортнее спать, на ночь свет в коридорах вагонов выключали, оставляя освещение только в тамбурах. Снег на улице, судя по всему, повалил с новой силой. Вокруг стояла звенящая тишина. Цзян Шоюань подошёл ближе и погладил Чэн Цзайе по щеке:

— Знал бы, купил бы билеты на самолёт.

Чэн Цзайе только что вымыл руки ледяной водой, и они всё ещё были холодными. Он потёрся щекой о пальцы Цзян Шоуяня и протянул:

— М-м, если бы мы полетели на самолёте, у нас бы не было этого момента.

Сзади, постепенно приближаясь, раздалось покашливание. Цзян Шоуянь убрал руку, а Чэн Цзайе остался стоять на месте. Через несколько секунд из полумрака вынырнул заспанный мужчина. Увидев, что они стоят прямо здесь, он слегка опешил.

— Очередь в туалет?

— Нет, там свободно, — ответил Чэн Цзайе.

— А-а. — Мужчина, потирая руки от холода, сделал пару шагов к двери, но потом до него вдруг дошло, и он обернулся, чтобы ещё раз взглянуть на Чэн Цзайе. Тот уже почти привык к таким удивлённым взглядам. Девять из десяти человек в этот момент наверняка думали про себя: «Ничего себе, этот иностранец так хорошо говорит по-китайски?»

Чэн Цзайе в шутку сказал Цзян Шоуяню:

— Может, мне впредь лучше говорить по-английски?

Цзян Шоуянь тихо рассмеялся:

— Можно подумать, если ты заговоришь по-английски, на тебя перестанут пялиться.

Чэн Цзайе цокнул языком и кивнул:

— И то верно. — Затем с улыбкой схватил Цзян Шоуяня за руку: — Пойдём, я тебе кое-что покажу.

Цзян Шоуянь пошёл за ним к двери вагона. Из-за сильного ночного мороза дверь частично обледенела, на покрытом слоем инея стекле кто-то пальцем нарисовал маленькое сердечко. Цзян Шоуянь изогнул бровь:

— Твоя работа?

— Не моя, — ответил Чэн Цзайе, поднимая руку, — но вот этот отпечаток оставил я. — Едва договорив, он прижал ладонь к стеклу, и рядом с сердечком, чуть выше и левее, отпечатался свежий след.

Щёлкнул замок, дверь туалета открылась. Чэн Цзайе отпустил руку Цзян Шоуяня, сложил ладони лодочкой, подышал на них, пытаясь согреть, и потёр друг о друга.

Мужчина удалился, продолжая отрывисто покашливать. Цзян Шоуянь вынул руку из кармана и приложил её к стеклу справа от сердечка. Он был не таким высоким, как Чэн Цзайе, и пальцы у него были короче, но оставленный им отпечаток получился ненамного меньше.

Мелькнул тусклый жёлтый свет фонарей. Снаружи поднялся ветер, и через щели в тамбур ворвался поток ледяного воздуха. Цзян Шоуянь поёжился и отвернулся:

— Пойдём, слишком холодно.

Чэн Цзайе достал телефон:

— Подожди секунду, я фотографирую. Всё, готово.

Друг за другом они пошли обратно по узкому длинному коридору вагона. В купе они быстро согрелись. Цзян Шоуянь сунул руки в карманы куртки и повернул голову, глядя в окно. Редкие огни проносились за стволами высоких берёз, в стекле отражались их размытые силуэты. Через пару секунд мир за окном погрузился во тьму — поезд въехал в узкий туннель. Цзян Шоуянь внезапно остановился.

— Что случилось? — спросил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь повернулся к нему, но ничего не сказал. На этом горном участке дороги было много туннелей, они следовали один за другим с короткими интервалами. Чэн Цзайе видел, как в глазах Цзян Шоуяня вспыхивают и гаснут редкие огни, а их отражения на стекле то становятся чёткими, то снова расплываются.

Номерки спальных мест излучали слабое холодное свечение. В тот миг, когда мир за окном снова погрузился во мрак, Чэн Цзайе наклонил голову и накрыл губы Цзян Шоуяня своими. В полутьме, глядя друг другу в глаза, они слились в коротком поцелуе.

<http://bllate.org/book/14908/1613522>